

Двойные стандарты в оценках римской демократии

Double standards in evaluation of the Roman democracy

Сморчков А.М.

Д-р ист. наук, доцент, профессор кафедр истории древнего мира ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» и ВШЭ, профессор кафедры всеобщей истории РАНХиГС
e-mail: smorchkovtuber@yandex.ru

Smorchkov A.M.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of the History of the Ancient World (Antiquity), Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities and Higher School of Economics; Professor of the Department of world history, RANEPА
e-mail: smorchkovtuber@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые аспекты дискуссии о характере политического строя в древнем Риме в период Поздней республики (III–I вв. до н.э.), вызванной работами британского ученого Ф. Миллара. В своем анализе автор статьи опирается на собственное определение полиса как политически господствующей общины полноправных жителей античного государства (граждан), объединяющей правящую верхушку и часть рядового населения данного государства. Именно полисные основы Римской республики определяют ее демократический потенциал. Ключевой ошибкой оппонентов в дискуссии является избрание демократии в Афинах в качестве критерия. Исходя из этого, исследователи, отказывающиеся считать Римскую республику демократией, предъявляют к ней такие требования, которым не соответствуют и современные демократические государства. Такого рода претензии к Римской республике были проанализированы в статье и сопоставлены с современным положением дел. По мнению автора, в сравнении с современными демократическими государствами Римская республика вполне может быть признана демократией (со своими естественными особенностями и отличиями). В ней полнокровно функционировало гражданское общество, объединявшее граждан общими интересами и целями, и имелись даже некоторые зачатки современной представительной демократии.

Ключевые слова: древний Рим, Республика, полис, Ф. Миллар, демократия.

Abstract

The article considers some aspects of the debate on the nature of the political system in ancient Rome in the period of Late Republic (III-I centuries BC), caused by the British scientist F. Millar. In his analysis, the author relies on his own definition of *polis* as a politically dominant community of full rights inhabitants of the ancient state (citizens), which combines the ruling class and part of the ordinary people of this state. That is the *polis'* foundations of the Roman Republic determine its democratic potential. The key mistake of the opponents in the discussion is the choice of democracy in Athens as a criterion. Based on

this, researchers who refuse to consider the Roman Republic a democracy, bringing to it such requirements to that do not correspond modern democratic states. In the article this kind of claim to the Roman Republic is analyzed and compared with the present situation. According to the author, in comparison with modern democratic states, the Roman Republic may be recognized as a democracy (with its natural features and distinctions). It was a full-blooded functioning civil society, citizens uniting common interests and goals, and there were even some rudiments of modern representative democracy.

This article was prepared with the support of the Ministry of education and science of the Russian Federation in the framework of the grant "Integration of traditions and cultures in the center and the periphery of the ancient civilization: society, power, religion" (No. 33.1353.2017/HR).

Keywords: ancient Rome, Republic, *polis*, F. Millar, democracy.

Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта «Интеграция традиций и культур в центре и на периферии античной цивилизации: общество, власть, религия» (№33.1353.2017/ПЧ)

Политическая система Римской республики: специфика

Лозунг демократии в настоящее время является одним из самых используемых, к идее демократии постоянно обращаются, демократия стала своеобразной «священной коровой» современной цивилизации. Причем остается большим вопросом, что понимают в каждом конкретном случае под демократией, а двойные, тройные и т.д. стандарты в ее оценках уже никого не удивляют. Да и возмущение ими становится всё более слабым, а манипулирование этим популярным лозунгом всё чаще признаётся как некая данность, как некое правило политической игры, пусть несправедливое, но такова, мол, современная реальность. Порой можно встретить обращение и к опыту античности, где этот феномен, собственно, зародился. И опять же возникает вопрос, что знают современные политики и эксперты об античности и как они понимают даже реальные факты из древней истории. Но не об этом пойдет речь в предлагаемой статье, не о рецепции античности в современном общественно-политическом дискурсе, а о тех двойных стандартах, которые, как ни парадоксально, имеют место в оценке политического строя Римской республики даже в совершенно академичных научных исследованиях.

При оценке специфики римского республиканского устройства, в первую очередь, нужно учитывать его полисный характер [1, с. 221-228; 2, 130]. Однако понимание полиса (гражданской общины) в отечественной историографии относится к одной из самых дискуссионных проблем, где нет даже относительного единства мнений за исключением признания принципиальной важности этого социально-политического феномена для понимания сути и специфики античной цивилизации. На мой взгляд, полис (в терминологическом значении) представляет собой политически господствующую общину полноправных жителей античного государства (граждан), объединяющую правящую верхушку и часть рядового населения данного государства [подробнее: 7, с. 13-17]. «Часть» – потому что на территории полиса имеются такие категории населения (и свободные, и рабы), которые в него не входят, но при этом относятся к полисному государству. Полисная организация возникла в ходе борьбы народа с аристократией, в результате чего основная масса населения отстояла свою свободу, а правящая верхушка вынуждена была поделиться политическими полномочиями. Степень соучастия рядовой массы граждан в управлении была разная, но в любом полисе, демократическом или олигархическом, обязательно имелось народное собрание, без которого полис немислим. Показательно, что ни в латинском,

ни в древнегреческом языке нет слова, соответствующего современному термину «государство». Слабым эквивалентом ему является латинское выражение *respublica*, которое означает «общее дело» (такое же в древнегреческом политическом лексиконе, но во множественном числе). То есть в античности общество и государство были тесно слиты, правда, лишь для узкой привилегированной группы членов полиса (граждан). Причем различие этих феноменов так и не было осознано и осмыслено вплоть до конца античной цивилизации, хотя при Империи реальность их четко разделила. В этом соучастии народа в управлении заключался внутренне присущий любому полису демократический потенциал. Соответственно, ключевым вопросом для его оценки является анализ роли и значения народных собраний.

В Риме имелось два типа народных собраний (комиций), на которых принимались политически значимые решения, – центуриатные (по центуриям) и трибутные (по трибам). Третье, самое старинное, собрание по воинским союзам-куриям (куриатное) еще в незапамятные времена утеряло реальное значение. Центурии и трибы (а также курии) являлись голосовательными единицами, т.е. голосование шло внутри них, а затем центурия или триба подавала свой голос за или против – в отличие от афинской системы, где подсчитывалось большинство от всех присутствующих на собрании. По схожему принципу организованы сегодня выборы президента США. Центуриатное собрание являлось иерархически построенной тимократической системой, в которой граждане были разделены на шесть классов в зависимости от благосостояния, и каждый класс имел определенное количество центурий, т.е. голосов (всего 373 центурии со второй половины III в. до н.э.). Голосование начиналось с самых богатых, центурии каждого класса подавали голоса по жребию, пока не будет набрано более 50%, после чего процесс останавливался. Таким образом, учитывались не все голоса, а до последнего класса, пролетариев, которые составляли всего лишь одну центурию, голосование вообще не доходило. Соответственно, «вес» голосов граждан из разных классов сильно отличался, а решение фактически принималось только имущими. На трибутных комициях, напротив, голоса были формально равны, ибо на 35 триб (=голосов) граждане делились, условно говоря, по месту проживания, что исключало иерархию. Единственное исключение заключалось в том, что четыре городские трибы считались непрестижными: в них записывали вольноотпущенников и переводили в качестве наказания. Принадлежность к той или иной трибе была наследственной независимо от фактического местопребывания. Голосовали все трибы, но результаты сообщали в порядке, определенном жребием, опять же до тех пор, пока решение не набирало больше половины, т.е. 18 голосов из 35, после чего процедура останавливалась. Выборы высших магистратов происходили на центуриатных комициях, а принятие законов – и на тех, и на других, но в Поздней республике преобладали законы, принятые на трибутных комициях (видимо, в силу большего удобства, ибо организовать голосование 35 триб гораздо проще, чем 373 центурий). Такова в кратком изложении, необходимом для понимания дальнейшего анализа, схема деятельности народных собраний в республиканском Риме.

Политическая система Римской республики: демократический потенциал

Касательно Ранней республики (V–IV вв. до н.э.) сложно сказать что-либо определенное о характере политического строя, несмотря на кажущееся обилие сведений. Ибо римская историография зародилась лишь в конце III в. до н.э., и сами римляне имели весьма туманные представления о столь далеких временах. Исходя из общих соображений и с учетом основного вектора эволюции политических режимов в Греции и Риме, можно достаточно уверенно говорить об аристократическом строе Ранней республики. Что касается Средней и Поздней республики (III–I вв. до н.э.), данные для которой вполне репрезентативны и достоверны, то определение ее характера является объектом дискуссии, весьма активно ведущейся последние 30 лет.

Ранее в науке (а в учебниках и поныне) полностью господствовало представление о политическом строе Рима в III–I вв. до н.э. как о жесткой олигархии. Наиболее полно это представление было сформулировано швейцарским ученым Маттиасом Гельцером в 1912 г. в монографии «Нобилитет римской Республики» [13]. Олигархический характер римского политического устройства видели, прежде всего, в господстве нобилитета в сенате и в народном собрании, которое послушно утверждало решения, инспирированные небольшой группой знати. Ее господство базировалось на тесной сплоченности, спаянной родственными и дружескими связями, на престиже предков (так называемый символический капитал), занимавших ранее руководящие должности, на патронатно-клиентских связях, включавших в себя и рядовых граждан, и целые страны. Соответственно, политическая жизнь Римской республики сводилась к борьбе за власть между различными аристократическими группировками [9, с. 64–65].

По мере накопления знаний и расширения исследовательского поля эта концепция со временем стала вызывать всё больше вопросов. Наиболее решительно отказался от господствовавшей парадигмы известный британский исследователь Фергюс Миллар [основные работы: 16–19]. По его образному выражению, нужно «вернуть римскому народу его собственное место в истории демократических ценностей» [19, p. 158]. Подобные идеи высказывались и до него [15, s. 1, Anm. 4; s. 2, Anm. 7; 1, с. 223–224], но именно работы Ф. Миллара породили весьма острую и очень плодотворную дискуссию, хотя его выводы в той или иной степени все же были отвергнуты большинством исследователей. В отечественной историографии развернувшаяся дискуссия, несомненно, вызвала определенный интерес, хотя нельзя сказать, что широкий. В частности, в 2007 г. в Ярославле состоялась российско-германская конференция «Народ и демократия в древности» [5], в которой довелось принять участие и автору предлагаемого анализа [6]. Конечно, в краткой статье невозможно дать полноценное освещение весьма интересной и актуальной дискуссии о характере Римской республики и обосновать собственное видение феномена римской демократии. Моя цель скромнее – рассмотреть лишь некоторые аргументы оппонентов Ф. Миллара, аргументы сущностные и распространенные, но все же отобранные под углом зрения заявленной темы, т.е. несущие в себе отпечаток двойного подхода к оценке римского политического строя. Многие критические замечания, основанные на анализе конкретных механизмов принятия и реализации политических решений, справедливы и убедительны, но при этом волей-неволей исследователи преувеличивают значение особенностей при решении вопроса о характере системы как таковой. Проблема состоит не в апелляции к разным фактам (их набор для древней истории не безграничен), а в их интерпретации, которая зачастую оказывается прямо противоположной.

Концепция Ф. Миллара вкратце сводится к тому, что римский народ был не объектом, а субъектом политической борьбы, т.е. демократический потенциал, имеющийся в полисной системе, в Риме был реализован в полной мере. Соответственно, именно народ, выражая свою волю на собраниях разного рода, являлся решающей силой, активно участвовавшей в рассмотрении важнейших вопросов общественно-политической жизни. Отсюда следует, что центральной фигурой в политике был не могущественный патрон, опиравшийся на зависимых клиентов, а оратор, главной целью которого было убедить сограждан [изложение и анализ взглядов Ф. Миллара в отечественной историографии см.: 8; 9; 1, с. 221–228]. Таким образом, за образец демократии Ф. Миллар берет яркую, но все же уникальную афинскую демократию, которой уподобляет римскую политическую систему [19, p. 112; 139; 8, с. 56]. На мой взгляд, эту же принципиальную ошибку имплицитно допускают и оппоненты Ф. Миллара, облегчая себе задачу его критики, ибо уравнивать Римскую республику и Афины эпохи расцвета демократического строя без чрезмерных допусков невозможно в принципе. Но дело в том, что и современные демократии столь же далеко

(если не дальше) отстоят от афинского образца. Соответственно, отказываясь признавать римский строй демократическим, мы отказываемся признавать наличие демократических систем и в современном нам мире, что исключено. На этом тезисе, собственно, будут построены дальнейшие мои рассуждения.

Важно отметить, что римские (и греческие) мыслители отнюдь не считали равенство граждан и господство народа (т.е. простых граждан) идеальной моделью в отличие от современного взгляда на демократию как лучшую из возможных форм правления. Таковой в античности скорее признавалась аристократия в ее дословном понимании в переводе с древнегреческого («власть лучших»). Идеальной же считалась так называемая смешанная конституция, составленная из трех элементов (царская власть, аристократия и демократия). Именно такой видели Римскую республику, где названные три элемента воплощали консульская власть, сенат и народные собрания (Полибий. VI. 11. 11 – 18. 8; Цицерон. О государстве. I. 69-70; II. 64-66). Римское политическое мышление и политическая практика была пронизана иерархичностью, признаваемой как норма не только элитой (что естественно), но и рядовыми гражданами. Соответственно, Карл-Йоахим Хелькескамп в статье с «говорящим» названием «Римская республика: государство, принадлежащее народу, руководимое народом, существующее для народа» (цитата из речи А. Линкольна) при анализе одной из работ Ф. Миллера приходит к выводу, что не столь важен ярлык, в любом случае это не было государство, принадлежащее народу, руководимое народом, существующее для народа [14, р. 223]. И с его утверждением можно согласиться. Но зададимся вопросом, приложимы ли указанные критерии к современным демократическим системам? Особенно сомнителен критерий «руководимое народом». На мой взгляд, исходить непосредственно из дословного значения термина «демократия» в переводе с древнегреческого («власть народа») является глубочайшей ошибкой, которая и порождает двойные стандарты (о чем ниже). Явление гораздо сложнее, что отражает сложность государственного управления в современную эпоху, но также в Афинах и Риме.

Конечно, с точки зрения античной теории, Римская республика в эпоху расцвета однозначно попадает под определение аристократии. Показательна оговорка греческого историка Полибия, назвавшего римское государство аристократическим (XXIII. 14. 1), хотя в теоретическом экскурсе в том же сочинении он доказывал, что здесь присутствуют все три элемента – монархический, аристократический и демократический (VI. 11. 11 – 15. 1). Но если под демократией понимать только такую систему, где власть непосредственно принадлежит народу, как понимали греческие мыслители, тогда неизбежно следует признать, что современная представительная демократия является прямой властью народа, другими словами, полноценным эквивалентом античной прямой демократии (причем в ее афинском варианте). Но это далеко не так, и современные представительные демократии явно попали бы под определение олигархии, если бы их оценивали античные политические мыслители. Вряд ли сегодня гражданин крупного демократического государства ощущает себя причастным к законотворчеству и управлению в большей степени, чем римский гражданин. И это ощущение отражает реальную ситуацию, но не сомнения в существовании демократии. Так что вопрос лишь в том, что понимать под этим феноменом и отражающим его термином. А потому совершенно не понятно, почему политический режим Римской республики надо судить по гораздо более строгим критериям, чем современные, тем самым отказывая ему в демократичности? Собственно, этот риторический вопрос относится и ко всем следующим аргументам исследователей, отказывающихся признавать Римскую республику демократией.

Немецкий исследователь Мартин Йене, отвергая теорию «римской демократии», справедливо указывает на большую разницу между формой и содержанием, между включением народа в политические акты и реальным его влиянием на их содержание.

Другими словами, если решение должно проходить через народное собрание, это не означает, что народ сколько-нибудь заметно может повлиять на него [15, s. 8]. И с этим утверждением также можно согласиться, но опять же возникает вопрос – а в современных демократиях каково влияние основной массы граждан на принимаемые в парламентах законопроекты? Разве оно чем-то принципиально эффективнее, чем влияние римских граждан, по крайней мере, имевших право самим голосовать в законодательных комициях?

Отсюда происходит весьма распространенный аргумент, отвергающий демократию в Риме на том основании, что почти всегда народ голосовал одобрительно. Действительно, из разного рода решений, внесенных на утверждение народа, за всю пятивековую историю Республики, по подсчетам Э. Флаига, было отвергнуто лишь восемь [11, s. 80, Anm. 13] или десять [12, s. 175-176], и это даже с учетом сомнительных случаев. Причем сюда относятся и те ситуации, когда правящей элите все же удавалось уговорить народ, и при повторном голосовании предложенный вариант принимался. Например, при объявлении войны царю Македонии Филиппу V в 200 г. до н.э. (Ливий. XXXI. 6. 3 – 8. 1). Однако обращает на себя внимание, что проводивший тогда народное собрание консул именно убедил народ, приведя в своей речи весьма весомые аргументы, и только после этого народ проголосовал за войну.

Сводить демократию к протестному голосованию является, на мой взгляд, чрезмерным упрощением. Римская ситуация объясняется тем, что правящая элита вынуждена была учитывать интересы рядовых граждан, ибо все входило в единый гражданский коллектив. Перед внесением на народное собрание закон обсуждался на сходках (так называемых конциях, о которых ниже), и отношение к нему народа в общих чертах уже можно было себе представить [20, p. 124]. Вынося законопроект на предварительное обсуждение, что было практически обязательным, его автор тем самым стремился минимизировать возможные риски, ибо провал при голосовании имел сильные негативные последствия для предложившего его, даже более серьезные, чем проигранное сражение для полководца, а это повышало уровень ответственности при разработке предложения. Кроме того, подавляющая часть законов была нормами, так сказать, общего пользования, необходимыми для регулирования жизни общества, соответственно, в них были заинтересованы все слои римского гражданства.

На мой взгляд, не количество отвергнутых решений является показателем демократии, а качество принятых. Другими словами, если бы удалось выявить решения, противоречащие интересам народа, но протасканные через народное собрание, тогда мы могли бы усомниться в наличии демократии. Например, в 131 (или 130) г. до н.э. народ отверг предложение о праве плебейских трибунов переизбираться на следующий срок, по всей видимости, выгодное ему, но отверг, прислушавшись к аргументам авторитетных граждан (Цицерон. О дружбе. 96). Тем не менее, через несколько лет указанное предложение все же было принято, так что и здесь народ выступил как сила, выбирающая то или иное решение, а не покорно следующая указаниям правящей элиты. Да, народ практически всегда голосовал «за», но никто и ничто не могло ему помешать проголосовать против, кроме уважения к руководителям римского государства. С другой стороны, мы знаем немало законов (прежде всего, аграрных), принятых на народном собрании вопреки сопротивлению сената. Яркий пример – деятельность братьев Гракхов. Конечно, в каждом таком случае обязательно имелся яркий и смелый лидер, но это естественно, ибо невозможно представить массовое коллективное действие без такого лидера.

И после введения тайного голосования в комициях (при принятии законов – в 131 г. до н.э.) народ по-прежнему голосовал утвердительно, хотя возможности для протестного голосования принципиально расширились. О чем это говорит – об отсутствии свободного волеизъявления римских граждан или об ответственности тех, кто вносил предложения? На мой взгляд, о последнем, что признаёт и Э. Флаиг [12, s.

210, 4], хотя, надо отметить, даже введение тайного голосования порой расценивается в историографии как преследующее цель укрепления аристократического режима [15, s. 6, Anm. 28; 20, p. 286, not. 18]. К тому же нельзя забывать, что «народ» – отнюдь не единая масса. Ведь упомянутый аграрный закон Тиберия Гракха, выгодный для бедных граждан, затронул интересы не только богатых, но и граждан вполне средних по уровню состоятельности. Они тоже часть народа, причем та часть, которая оказала сопротивление гракханскому законопроекту.

Из предыдущего аргумента вытекает широко поддержанное в историографии утверждение Эгона Флаига, известного специалиста по политическим ритуалам в древнем Риме, что народное собрание являлось в действительности не местом принятия решения, а ритуально-символическим органом общественного консенсуса, в котором римский народ ожидаемо соглашался с политикой аристократии [11, s. 84-91; 12, s. 155-212]. Само же решение, по его мнению, зависело от следующих предварительных этапов: а) от одобрения со стороны сената; б) от реакции со стороны народа на конциях; в) от обструкции против решения на самих комициях [11, s. 91]. Таким образом, и Э. Флаиг признаёт, что народ оказывал влияние на содержание и на успех законопроектов, прежде всего, на конциях, выражая свое отношение криком, ропотом, аплодисментами и другими способами [11, s. 94; 12, s. 195-199; о способах: 20, p. 119-124; 136-143]. Исследователь образно сравнивает конции с политическим фильтром [12, s. 198]. Они представляли собой неформализованный политический инструмент, очень похожий на современные митинги. Их мог созвать магистрат для обсуждения какого-либо вопроса, решение там не принималось, но именно на них произносились речи, призванные убедить народ в благодетельности или опасности предложения, которое будет вынесено на утверждение народного собрания. Это был законное, признанное обычаем и правом средство коммуникации элиты и народа, в том числе с целью выяснить мнения и предпочтения рядовых граждан.

Насколько эффективно было влияние народа через конции – другой вопрос, но он стоит и перед современными демократиями, ведь и сегодня митинги и другие им подобные мероприятия являются наиболее эффективной и наглядной формой влияния народа на политику. Причем, как и в Риме, они могут быть законными и незаконными, ибо везде имеются те или иные регулирующие их проведение правила [10]. А поскольку понятие «незаконности» в Римской республике было гораздо ограниченнее современного [3], точнее было бы называть конции «официальными» и «неофициальными» [2, с. 144-145]. Так почему же право на митинги и шествия ныне признается завоеванием демократии, а для Рима отказываются видеть в них элемент демократии [2, с. 145]? Что это, как не двойной подход, разрывающий единое понимание феномена демократии? Конечно, Филипп Моро совершенно прав, указывая, что на конциях публика ограничивалась, главным образом, ролью слушателя, что выступали там уважаемые граждане по выбору созвавшего это собрание магистрата, что внесение изменений в законопроект зависело от его автора, а обсуждение шло в основном между магистратами и сенаторами [4, с. 164-165]. Все сказанное верно, но можно ли на этом основании сделать вывод об отсутствии в Риме демократии? Разве на современных митингах дело обстоит иначе? И сейчас основная масса участников митинга только слушает, и выступают на нем те, кому дают слово организаторы, и резолюция вырабатывается отнюдь не всеми вместе, ибо это невозможно при массовом собрании. И точно также невозможно выступление оратора перед враждебно настроенной аудиторией.

Отметим, что в конциях заключается важное отличие римской организации народных собраний от афинской. В Афинах на народном собрании и обсуждали предложение, и тут же проводили голосование по нему, в Риме же на комициях только голосовали, а обсуждения выносились на предварительно проводившиеся конции. В этом видят еще один довод в пользу отсутствия демократии в Риме [11, s. 95]. На мой

взгляд, дело обстоит с точностью наоборот, и в указанном разделении двух действий проявился римский политический гений. Ведь объединение обсуждения и голосования в рамках одного собрания было чревато тем, что под влиянием речей эмоции могли захлестнуть разум. И такие примеры история Афин даёт – достаточно вспомнить печально знаменитый процесс над стратегами-победителями (406 г. до н.э.), когда взбудораженное демагогами народное собрание приняло парадоксальное и противозаконное решение о казни своих полководцев, одержавших победу (!) над спартанским флотом. В Риме же мы видим своеобразный эквивалент «дня тишины»¹, когда избиратель имеет возможность спокойно подумать над своим выбором. Только здесь срок не установлен и может сократиться до «ночи тишины». Таким образом, процедура, ныне признаваемая демократической, имела место в Риме, а не в Афинах.

Несомненно, достижение общественно-политического консенсуса, о котором говорит Э. Флаиг, является важной целью любой политической системы. Но до какого предела он возможен? Ясно, что до тех пор, пока политика правящей элиты не затрагивала непосредственно интересы реагирующего и затем голосующего народа. Для Рима задача обеспечения консенсуса была тем более актуальной, что при Республике практически полностью отсутствовали средства насилия по отношению к согражданам, т.е. у власть имущих не было такого орудия воздействия на народ как полиция и т.п. силовые структуры.

В наше время наиболее полно цель установления общественного консенсуса проявляется в выборах. Выборы руководителей принадлежат к сущностным чертам демократии, причем эта процедура объединяет античную прямую и современную представительную демократию. Именно здесь в Риме в полной мере выражался консенсус народа и элиты. Весьма точно, на мой взгляд, расставил акценты в сложном соотношении господства нобилитета и власти народа А. Якобсон, подводя итоги своему исследованию выборов в Поздней Республике: «Именно потому, что прерогатива народа – его избирательное право – была реальной, а не показной, потому, что она предоставляла народу реальное (пусть и ограниченное) участие в политике, народ принимал республиканскую политическую систему как легитимную» [22, р. 229]. Такой консенсус обеспечивал гармоничное сочетание формы (признание народа источником власти) и реальности, при которой эта власть находилась в руках элиты, ибо он строится на взаимном признании законных прав и преимуществ у каждой стороны. И при этом, как верно заметила В.В. Дементьева, известная отечественная исследовательница политического строя Римской республики, происходивший на римских комициях ритуал консенсуса не должен затмевать их основных функций – законодательной и избирательной [2, с. 129]. Никакой закон, никакой ординарный магистрат не могли появиться иначе, кроме как через народное собрание.

Более того, для полисного мировоззрения идеалом было согласие, которое старались всеми силами подчеркнуть, а противоречия затушевать. Это понятие даже обожествляли: в римском пантеоне имелась богиня Конкордия (Согласие), которой при Республике было возведено два храма – один на Форуме рядом со зданием Сената (в 367 или в 304 г. до н.э., затем в 121 г. до н.э.), другой в Крепости на Капитолии (в 216 г. до н.э.). Первый был посвящен ради общественного согласия, поводом для второго стал солдатский мятеж. Одна из причин такого консенсуса между элитой и обществом заключалась, на мой взгляд, в том, что, с одной стороны, общество не воспринимало естественное неравенство между людьми как несправедливость, а с другой – признание естественности и справедливости неравенства сочеталось с высокими требованиями, главным образом, морального характера, к правящей элите. Это свойственное полису так называемое геометрическое равенство выражалось в справедливом сочетании прав

¹ Выражаю благодарность за это наблюдение моему студенту из РГГУ Александру Файеру.

и обязанностей, при котором чем больше ты имеешь прав, тем больше у тебя обязанностей. В Риме имелась особая магистратура цензоров, одной из важнейших функций которых являлась забота о нравах (*сигаторум*), прежде всего, высших сословий, т.е. сенаторов и всадников. Периодически (в идеале – раз в пять лет) их списки пересматривались цензорами, и недостойные изгонялись. Так что в теории сенаторы были действительно «лучшими из лучших», прошедшими несколько ступеней отбора: сначала нужно стать всадником (это решали цензоры), затем быть избранным на общественную должность (прерогатива народа), потом записанным в сенат (решение принадлежало цензорам) и периодически подвергаться проверке на соответствие моральным нормам. Поэтому, по справедливому замечанию В.В. Дементьевой, в республиканском Риме «правлящая элита, нобилитет, как бы "представляла" и осуществляла интересы гражданского коллектива, а не узко олигархические» [2, с. 129].

Современная «представительная демократия» также должна быть основана на жестких требованиях к управляющей верхушке, некоторые из которых могла бы контролировать основная масса граждан. Ибо баланс интересов элиты и всего общества неустойчив и не дает долгосрочных гарантий. Без этого контроля «власть лучших» («аристократия») или «власть достойных» (меритократия) быстро перерастает во «власть немногих» («олигархия»), что понимали и древние мыслители. В нем заключается демократический элемент политического строя. Самым эффективным средством контроля за властью является процедура выборов, что в Риме, что сейчас. Но в них же содержится внутреннее объективное противоречие, поскольку задача избрания компетентных руководителей стоит перед некомпетентными (в массе) избирателями. Эта проблема была актуальна в древности, осталась таковой и поныне.

Завершу свой анализ еще одним замечанием, явно навеянным современностью. Роберт Морстейн-Маркс, изучая политическое красноречие (*massoratory*) в Поздней республике, признаёт важность поддержки рядовых граждан, которую политическая элита стремилась всеми способами достичь и продемонстрировать [20, р. 124-128; 280]. Однако при отсутствии реальных дебатов между альтернативными точками зрения рядовые граждане, по его справедливому мнению, были объектом манипулирования со стороны политиков, обладавших монопольным знанием [20, р. 160-203; 280-282]. Казалось бы, это серьезный довод против признания Римской республики демократией [20, р. 285-286]. Но ведь сейчас манипуляция общественным сознанием средствами массовой информации стала гораздо более эффективной, несмотря на, казалось бы, имеющийся доступ к альтернативным источникам, что уже лишает силы аргумент Р. Морстейна-Маркса. Римлянин, получавший сведения пусть в ограниченном объеме и неточные, но от людей, более или менее ему знакомых, парадоксально оказывается даже в более выигрышном положении, чем современный человек в условиях огромной и разносторонней, но обезличенной информации.

Политическая система Римской республики: объективные проблемы

Важнейшей и сущностной претензией к республиканскому Риму с точки зрения принципов демократии служит отсутствие понятия кворума в деятельности народных собраний при том, что реально посещать их могли весьма немногие. Другими словами, общегосударственные решения фактически принимало меньшинство граждан, причем для Рима – весьма незначительная их часть, буквально несколько процентов от общего числа обладавших правом голоса в Поздней республике [21, р. 55-58; 8, с. 54; 57]. Это объективная проблема для прямой демократии при выходе численности граждан за довольно узкие рамки. С ней столкнулись уже Афины при гражданском коллективе в 30–40 тыс. Что тогда говорить о Риме, насчитывавшем несколько сотен тысяч граждан (до Союзнической войны 91–88 гг. до н.э., после которой число граждан стало расти в геометрической прогрессии). Причем даже места для народных собраний в Риме не были рассчитаны на присутствие значительного числа людей, максимум до 20 тыс. [21,

р. 56-57]. А для современного понимания демократии обеспечение возможности голосовать, даже если избиратель ее не реализует, служит важным критерием легитимности системы.

Но является ли современная представительная демократия решением проблемы, свойственной для прямой демократии? Ведь избранный депутат исходит из своего понимания государственных и общественных интересов, не имея возможности и даже необходимости консультироваться по каждому вопросу со своими избирателями. Ибо управление обширным государством – сложная задача, недоступная большинству граждан. Это объективно, и необходимо четко осознавать, что современное управление требует специальной подготовки и особых знаний, одного житейского опыта здесь недостаточно. Так что «демократия» в дословном понимании этого слова («власть народа») ныне невозможна, ибо грозит принятием решений, опасных для самого же общества. А ведь афинский принцип гласил, что любой гражданин (с некоторыми оговорками) в силу своего статуса способен занимать должности. Однако такая непосредственная власть народа возможна лишь в численно ограниченных обществах с простыми управленческими задачами. Руководство же обширным и сложным государством требует компетентных специалистов, «управленческой элиты».

Можно заметить, что уже в силу численности граждан Рим был гораздо ближе к современным моделям, чем «прямая демократия» афинского образца. В.В. Дементьева убедительно доказывает, что в Римской республике имелись даже некоторые зачатки представительной демократии: делегирование государственного суверенитета римским народом высшим магистратам; принцип голосования по отдельным подразделениям римского гражданства (по куриям, центуриям, трибам); сенат, состоявший в основном из бывших магистратов, т.е. лиц, прошедших процедуру выборов подобно современным депутатам, и ряд других [2, с. 130-152]. При такой системе в какой-то степени учитывались интересы тех категорий граждан, которые жили далеко от Рима. Например, в трибутных комициях граждане, приписанные к сельским трибам (31 из 35), но живущие в Риме, выступали как бы вроде депутатов своих земляков, тем более, что земляческие связи в Риме имели огромное значение, в том числе политическое.

Что касается понимания демократии, то, на мой взгляд, она определяется не существованием формально демократических институтов (хотя это важно), а их наполнением – тем, что называется гражданское общество, т.е. интересом граждан к политике, чувством ответственности за судьбы отечества, добросовестным выполнением обязанностей перед родиной, уважением к государственным органам (ведь сами избрали!), готовностью прийти на помощь отдельному человеку и т.п. Другими словами, речь идет о гражданском единении перед властью, стоящей над обществом, и деструктивными элементами внутри самого общества. Возможность реализации политических прав, на мой взгляд, вторична: она естественно следует из вышеизложенного, но не лежит в основе демократии. По названным показателям Рим не уступает современным государствам. Уже сами полисные принципы, на которых строилась Римская республика, предполагали активную заинтересованность сограждан в совместных делах. Полисный характер общественно-политической организации в совокупности с политическим гением римского народа породил уникальную для древности (и не только) систему защиты гражданина. Ее краеугольным камнем являлось право провокации, т.е. право обратиться к народному собранию в случае смертного приговора или крупного штрафа. Римский историк Тит Ливий (III. 55. 4) назвал это право «единственным оплотом свободы» (*unicumpraesidiumlibertatis*). Таким образом, сам гражданский коллектив выступал в качестве высшей апелляционной инстанции. Судебная деятельность к концу Республики приобрела четкий и упорядоченный характер, несвойственный архаическим обществам. Именно в Риме появились адвокаты, помогавшие гражданам защитить свои интересы на судебных процессах. А в самом начале Республики по договоренности между патрициями и

плебеями была учреждена должность плебейских трибунов, напоминающая современный институт уполномоченных по правам человека. Изначальной и важнейшей обязанностью плебейских трибунов была помощь отдельным гражданам против произвола высшей власти и в целом отстаивание интересов народа.

Конечно, говоря о достижениях гражданского общества древнего Рима, не следует забывать вопрос о степени их эффективности, о соответствии содержания заявленным целям и формам, но ведь такая же проблема стоит и перед современными институтами гражданского общества в самых демократических государствах. Таким образом, римская республиканская система имела те же объективные недостатки (с естественными вариациями), что и современные политические системы, именуемые демократиями. Соответственно, признавая одно, мы должны признать и другое, т.е. признать Римскую республику демократией, понятно, со своей спецификой (собственно, и современные демократии очень даже не похожи друг на друга). Другими словами, речь идет о содержании термина, а не о наличии или отсутствии самого феномена.

Литература

1. Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. - Ярославль, 2004. – 248 с.
2. Дементьева В.В. Римская «меритократия» и формирование принципа представительности (теоретико-историографический аспект). //Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2011. – С. 120–152.
3. Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской республики. // Вестник древней истории. – 2009. – № 4. – С. 63–88.
4. МороФ. Sublata priore lege. Отвод rogationes как способ внесения поправок к законодательным проектам в конце Республики. // Вестник древней истории. 2004. № 4. - С. 154-165.
5. Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции. / Отв. ред. В.В. Дементьева. - Ярославль, 2011. – 297 с.
6. Сморгчов А.М. Демократия и религия: электоральные комиции в религиозно-политической системе республиканского Рима.//Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции / Отв. ред. В.В. Дементьева. - Ярославль, – 2011. – С. 153–168.
7. Сморгчов А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. - М., 2012. – 602 с.
8. Смышляев А.Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара). // Вестник древней истории. – 2003. – № 3. – С. 46–60.
9. Смышляев А.Л., Одегова Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии. // Античная история и классическая археология. – М., 2006. – С. 64–78.
10. Фролов Р.М. Этапы законодательного ограничения несанкционированных собраний в Риме. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – № 13 (108). – Вып. 19. – С. 12–19.
11. Flaig E. Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs. // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik / Ed. M. Jehne. - Stuttgart, 1995. - S. 77-128.
12. Flaig E. Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. Aufl. 2. - Göttingen, 2004. - 288 S.
13. Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. - Leipzig - Berlin, 1912. - 118 S.

14. Hölkeskamp K.-J. The Roman republic: Government of the People, by the People, for the People? // *Scripta Classica Israelica*. - Vol. XIX. 2002. - P. 203-223.
15. Jehne M. Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Politik. // *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik* / Ed. M. Jehne. - Stuttgart, 1995. - S. 1-10.
16. Millar F. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200-151 B.C. // *Journal of Roman Studies*. - 1984. № 74. - P. 1-19.
17. Millar F. The crowd in Rome in the late Republic. - Ann Arbor, 1998. - 236 p.
18. Millar F. The Roman Republic in Political Thought. - Hanover, 2002. - 240 p.
19. Millar F. Rome, the Greek World and the East. Vol. 1. The Roman Republic and Augustan Revolution / Ed. by H.M. Cotton and G.M. Rogers. - Chapel Hill - London, 2002. - 383 p.
20. Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. - Cambridge, 2004. - 313 p.
21. Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. - Cambridge, 2017. - 202 p.
22. Yakobson A. Elections and Electioneering in Rome: A study in the Political System of the Late Republic. - Stuttgart, 1999. - 251 p.